

С. Л. Фокин

Пруст и евреи: pro aut contra?

DOI: 10.53953/08696365_2025_191_1_360

Birnbaum P. Marcel Proust: l'adieu au monde juif.

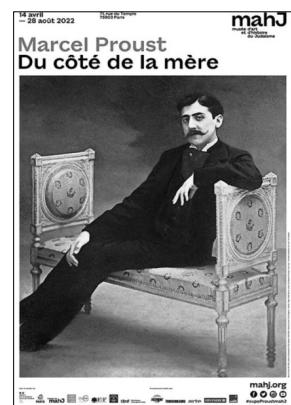
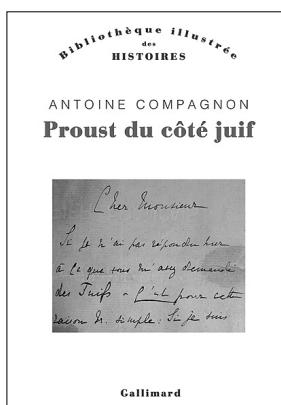
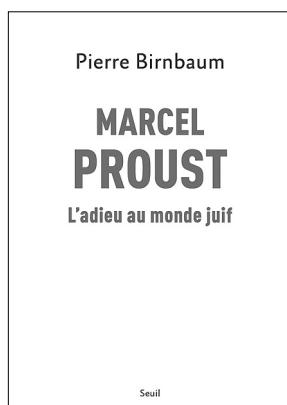
Paris: Éditions du Seuil, 2022. — 264 p.

Compagnon A. Proust du côté juif.

Paris: Gallimard, 2022. — 423 p. — (Bibliothèque des Histoires).

Marcel Proust, du côté de la mère: [exposition, Paris, Musée d'art et d'histoire du judaïsme, du 14 avril au 28 août 2022] / [Ouvrage sous la direction d'Isabelle Cahn et Antoine Compagnon].

Paris: MAHJ, Musée d'art et d'histoire du judaïsme:
Réunion des musées nationaux-Grand Palais, 2022. — 256 p.

Одним из самых заметных последствий тех чествований, которыми интеллигентальная Франция ознаменовала столетие смерти М. Пруста, стало внезапное возвращение к жизни вопроса, герменевтический круг которого был крайне резко очерчен в свое время Л.-Ф. Селином, чье «Путешествие на край ночи» (1931) задумывалось как люмпен-пролетарская реплика на миллион терзаний «Поисков потерянного времени» (1913—1927). В середине 1949 г. в письме к главному редактору издательского дома «Галлимар» Селин разразился гневной тирадой, продемонстрировавшей, что в горячечном воображении автора ряда антисемитских памфлетов, прогремевших во Франции 1930-х гг. как гром среди ясного неба, Пруст оставался исключительным в своем роде образчиком господства еврейства во французской литературной жизни: «А, этот Пруст, если бы он не был евреем, о нем никто бы больше не говорил. К тому же извращенец! И извращенством одержим! Пишет не на французском, но на франко-идиш-тарабарском, абсолютно вне всякой французской традиции»¹. В другом письме, написанном несколькими годами ра-

1 Céline L.-F. Lettres à la NRF. 1931—1961. Paris: Gallimard, 1991. P. 88.

нее, в самый разгар войны, Селин, откликаясь на появление работ, посвященных Прусту писателями правого толка, был еще более резок: «Сколько пустых препирательств вокруг Пруста. Этот стиль!.. Эта причудливая фраза! Откуда? Кто! Что? Да все просто! Талмудизм! Талмуд построен и задуман почти так же, как романы Пруста — извилистая, арабесочная, разупорядоченная мозаика — без начала, без конца»². Селин, наверное, не знал, что задолго до него, двадцатью годами ранее, к такому же выводу пришел Д. Сора (1890—1958), университетский литературовед, к тому времени директор Французского института в Англии и профессор отделения английского языка и литературы Королевского колледжа в Лондоне. Будучи авторитетным специалистом по творчеству Д. Милтона и У. Блейка, а также знатоком древнееврейской мистики, он опубликовал в 1925 г. статью под названием «Иудаизм Пруста», где громогласно заявлял: «Стиль Пруста — это стиль раввина, толкующего Писание. Определенный таким образом стиль по формации своей не французский. Длинные, сложные, неупорядоченные, перегруженные придаточными и отступлениями от основной темы фразы, выливающиеся в небольшие драгоценные находки. По правде говоря, *своего рода иностранный язык*. Кто не знает, что такой стиль был изобретен к началу христианской эры вавилонскими и иерусалимскими евреями для толкования священных книг?»³ Уточним, что осевший в Лондоне французский литературовед отнюдь не был антисемитом; напротив, в своей статье, вскоре перепечатанной в пространных отрывках в респектабельном «Еврейском обозрении», парижском литературно-художественном журнале сионистской направленности, он пытался выявить укорененность литературного опыта Пруста в иудаизме. Так или иначе, ясно одно: если «Путешествие на край ночи» создавалось из духа противоречия «Поискам потерянного времени», то сам Селин, особенно после краха коллаборационизма, страшно ревновал к литературному успеху упрямого искателя потерянного времени⁴. Словом, всю свою жизнь во французской литературе Селин изводил себя «Поисками...», усматривая в еврействе заветный ключ к трем секретам небывалой славы своего злого гения — еврейское происхождение, которое якобы благоприятствовало проникновению писателя в мир французской литературы; еврейская культура, которая якобы сказалась в поэтике всего романа, но особенно в культе тягучей фразы; еврейское сообщество, сплоченность которого якобы обеспечила соответствующий прием творению Пруста.

Наверное, Селину, изобличавшему талмудизм Пруста во имя чистоты французской литературной традиции, даже в голову не могло прийти, что по прошествии ста лет со смерти автора «Поисков...» эти три секрета обернутся настоящим яблоком раздора, вокруг которого резко разойдутся во мнениях два звездных ученых-гуманистов современной Франции, выпустивших в свет в 2022 г. основательные научные исследования о еврействе Пруста.

Противоречие разразилось уже на уровне названий: если знаменитый литературовед А. Компаньон, почетный профессор Коллеж-де-Франс и Колумбийского

2 *Idem. Lettres. Paris: Gallimard, 2009. P. 719—720.*

3 *Saurat D. Le judaïsme de Proust // Les Marges. 1925. 15 octobre. P. 83—87.* Цит. по: *Compagnon A. Proust du côté juif. P. 172.*

4 Подробнее об этом см.: *Фокин С.Л. Селин о Прусте, или Музыка художеств одного французского классика // Литература и война: век двадцатый / Под ред. О.Ю. Пановой, В.М. Толмачёва. М.: МАКС Пресс, 2013. С. 221—229.* См. также: *Fokine S., Voltchek O. Quand les antisémitismes s'entretuent: Brasillach, Céline, Drieu face à Proust en 1943 // Littérature et antisémitisme en temps de guerre. Les écrivains face à la propagande et à la persécution / Sous la direction A. Nouss, A. Mamatsashvili. Aix-en-Provence: Presses Universitaires de Provence, 2024. P. 99—114.*

университета, несколько лет назад принятый в сонм «бессмертных» Французской академии, озаглавил свой труд, перефразировав название первого тома эпопеи, «Пруст с еврейской стороны» (в основу книги положен авторский блог эпохи пандемии, называвшийся «Сионизм Пруста»), то не менее именитый французский историк, специалист по политической социологии П. Бирнбаум, снискавший мировую славу многочисленными трудами по истории еврейского удела во Франции («Орел и Синагога: Наполеон, евреи и государство», 2007; «Два Дома: евреи, государство, две Республики», 2012; «О новом антисемитском моменте», 2015, и др.), назвал свое исследование более чем вызывающее: «Марсель Пруст. Прощание с еврейским миром».

Если судить по заглавиям и конечным выводам, позиции двух ученых, в жизни поддерживающих дружеские отношения, в корне противоположны. Действительно, Компаньон, исходя из скрупулезного анализа, с одной стороны, генеалогического древа семьи Вейль, к которой принадлежала мать писателя Жанна, с другой — рецепции «Поисков...» в кругах еврейских интеллектуалов во Франции 1915—1930 гг., совершенно по-новому представляет значение и смысл еврейства в жизни и творчестве писателя: в его книге Пруст идет скорее «в сторону Свана», то есть к преодолению удела ассимилированного еврея и болезненному утверждению еврейского происхождения: «Сван принадлежал к этому сильному еврейскому племени, жизненной энергии, сопротивлению смерти которого причастны были, похоже, сами индивиды. Каждый из них, пораженных индивидуальными болезнями, как само племя — гонениями, беспредельно бьется в страшных агониях, которые могут длиться сверх всякого вообразимого скончания, когда остаются видны лишь борода пророка и возвышающийся над нею огромный нос, раздувающийся в последних вздохах накануне ритуальных молений и до того, как начнется размеренное шествие дальних родственников, механически идущих вперед, как на ассирийских фризах»⁵. Эта направленность романа и всей жизни Пруста была громогласно подтверждена для широкого культурного сознания масштабной выставкой «Марсель Пруст со стороны матери», организованной в Париже «Музеем искусства и истории иудаизма» (14 апреля — 28 августа 2022 г.). В предисловии к роскошному каталогу куратор выставки И. Кан, авторитетный французский искусствовед, почетная хранительница отдела современной живописи музея Орсе, приходила к выводам, парадоксальным образом подтверждавшим филиппики Селина: будучи по матери евреем, Пруст, крещенный и воспитанный в католической традиции, представлял в этом очерке в виде новейшего французского маррана, хранившего верность, благодаря влиянию «еврейской стороны», Заповеди, Закону, «Зогару» (следы знакомства писателя со священной книгой были преданы гласности в самое последнее время)⁶. Компаньон выступил научным консультантом и соредактором богато иллюстрированного каталога выставки, благодаря чему тезис о сокровенном влиянии иудаизма на формирование образа мысли и образа книги в сознании Пруста получил широкое признание.

Бирнбаум, напротив, полагает, что писатель все время разрывался между двумя сторонами: иудаизмом матери и католицизмом отца. Подвергнув кропотливому анализу личную переписку Пруста, разобрав целый корпус мемуаров современников и публицистики эпохи, обстоятельно рассмотрев «опасные связи» Пруста с парижскими аристократическими салонами, часто не чуждыми антисемитизма, а также с писателями-антисемитами (М. Баррес, Л. Доде, Р. де Монтескью), с которыми писатель поддерживал дружеские отношения, историк представляет своего

5 Пруст М. Содом и Гоморра / Пер. с фр. Н.М. Любимова. СПб.: Амфора, 1999. С. 127.
Перевод изменен.

6 Cahn I. Le récit caché. Proust et la judéité // Marcel Proust, du côté de la mère. Р. 19—35.

рода социологический портрет писателя на фоне политических бурь Третьей республики: «дело Дрейфуса», финансовые скандалы, подъем национализма, зарождение сионизма. Как это ни парадоксально, но под занавес этого ответственного исторического исследования роман «В поисках потерянного времени» предстает лебединой песней еврея-католика.

Действительно, в книге создается масштабная биографическо-историческая панорама, демонстрирующая, ценой каких усилий романист, наблюдая со стороны за громкими и тихими сражениями двух Франций — Франции аристократической, католической, патриотической, иногда открыто антисемитской и Франции атеистической, космополитической, либеральной, республиканской — мог сохранять, будто цирковой эквилибрист, невероятное равновесие между незыблемой религией матери и единственным католицизмом отца: «Пруст, в глубине души католик, который заведомо отвергает как непреклонную контреволюцию, так и обмирщение публичной жизни, настоящий канатоходец, чуждый битвам двух Франций, которые разгораются тогда в полную силу и непримиримость которых не дает ему покоя; он колеблется в отношении собственной судьбы, зажатой между противоположными мирами, над которыми он хитро подсмеивается в этой новой вневременной и потрясающей человеческой комедии, каковой обрачиваются “Поиски”»⁷.

Несмотря на различные дисциплинарно-методологические установки, оба исследования сходятся в эффектных литературно-детективных зачинах. Компаньон открывает свою работу с одного эпистолярного фрагмента, который уже цитировался в работах о Прусте, хотя оставалось загадкой, когда и к кому он обращался в этом письме: «Уже никто и даже я, поскольку я не могу подняться, не пойдет на маленькое еврейское кладбище вдоль по улице Покоя, куда мой дед, следуя ритуалу, который он сам уже не понимал, ходил каждый год, чтобы возложить камешек на могилу своих предков»⁸. Одним из самых несомненных фактологических достижений работы Компаньона является установление адресата и приблизительной даты этого письма, а также обнаружение рукописного оригинала наброска.

Речь идет о письме от 10 мая 1908 г., адресованном приятелю писателя литератору и публицисту Д. Галеви (1872—1962), который только что потерял отца Л. Галеви (1834—1908), знаменитого в то время французского литератора, воплощавшего сам тип ассимилированного французского еврея: популярный драматург, автор, среди прочего, либретто к «Кармен» Ж. Бизе, плодовитый романист, из-под пера которого вышла добрая дюжина сочинений о парижской фриольной жизни *fin du siècle*, он в 1884 г. стал членом Французской академии. Это был истинный парижский буржуа, в доме которого собирался весь цвет столицы; Пруст долгое время дождался чести быть там принятym, но его товарищ не спешил вводить его в святая святых парижской светской жизни. Возможно, молодой писатель думал написать некролог этому блестительному человеку, которого многие товарищи Пруста хотели бы видеть своим отцом; однако набросок этого послания с соболезнованиями, дипломатическая транскрипция которого приводится в книге Компаньона, оказался не лишенным изрядной провокационности: пытаясь говорить об отце друга, который был образцом культурной ассимиляции, Пруст воссоздает в этом тексте образ своего деда, хранившего верность культуре, вопреки в общем-то либеральному образу жизни. Таким образом, этот эпистолярный фрагмент, уже цитировавшийся в различных работах, обрел реальный исторический контекст: на пороге романа Пруст, также потеряв к тому времени всех близких, действительно пытался осмысливать значение и смысл иудейства в своем становлении.

7 Birnbaum P. Marcel Proust: l'adieu au monde juif. P. 197.

8 Compagnon A. Proust du côté juif. P. 8.

У Бирнбаума начало не менее интригующее; историк приводит в качестве *ultima verba* фрагмент воспоминаний близкого друга писателя Р. Петера, которому в 1906 г. Пруст поведал об «ужасным конфликте», спровоцированном в его мыслях принятием закона об отделении церкви от государства, ознаменовавшего закат католицизма во Франции и бесповоротное наступление обмирщения социального пространства: «Беда в том, — говорил он, — что после того как восторжествовало правое дело, поддержанное евреями (имеется в виду «дело Дрейфуса». — С.Ф.), последние с характерным для них отсутствием чувства меры привнесли в сегодняшние мстительные схватки свою долю обузданного было насилия и удесятеренной ожесточенности. Их гонят из высоких кругов и светских салонов, ладно. Они возьмут свое, как они это могут, и повсюду, где могут, то есть повсюду, где голова и козни применяются на законных основаниях, то есть во всем, что реально имеет социальное значение: университет, литература, администрация, предпринимательство, к чему в скором времени добавится политика, словом во всем, что движет страной. Масштабы, которые все это примет, непредсказуемы, тем более что с другой стороны остракизм будет лишь усиливаться, а он, бедный Марсель, будет все больше и больше терзаться, разрываясь между двумя половинами Франции. «Вы, — добавил он, — вы можете наблюдать за этим расколом страны просто как зритель — что само по себе страшно — но какую сторону принять мне, за кого мне быть? А, милый Рене, считайте, что вам повезло, ибо вы один и неделим. Но как быть мне, ведь меня, увы, и так от природы несколько сложного, двое — что со мной станется?»⁹. Может показаться, что это мемуарное свидетельство второго лица, произведенное явно задним числом, менее достоверно, чем обрывочное признание из черновика личного письма, однако Бирнбаум, движимый историческим объективизмом, на протяжении всей книги стремится к тому, чтобы представить именно сложного, двойственного, мятущегося автора романа, которого естественно и изначально тянет к материнской стороне, но который несмотря ни на что находит в себе силы хранить верность обряду крещения, католическому воспитанию, дорогим его сердцу соборам Франции. Наверное, никто точнее самого Пруста не определил эту амбивалентность, характеризовавшую его натуру. Действительно, в одном из писем к графу Р. де Монтескью, которому в самый разгар «дела Дрейфуса» взбрело в голову поинтересоваться мнением молодого Пруста по «еврейскому вопросу», начинающий литератор не без запальчивости утверждал: «Я не ответил вам вчера на ваш вопрос об евреях. По одной простой причине: если я католик, как мой отец и брат, то, напротив, моя мать — еврейка»¹⁰. Обращает на себя внимание жесткая конструкция фразы: союз «если» будто ставит под вопрос благоприобретенный, культурный, отцовский, словом семейный, католицизм, тогда как еврейство матери утверждается напрямую, без всяких окличностей, своего рода противовесом. Во второй части фразы оппозиции он почти что говорит или, по крайней мере, хочет сказать: «равно как и я». Разумеется, Прусту предстоит многое испытать на своем недолгом веку — бесславную смерть французских соборов, тихий уход отца, мучительную кончину матери — но главное испытание будет развертываться внутри писателя, решившего сделать ставку на жизнь по обе стороны милой Франции.

Возвращаясь к сравнительному обзору книг Компаньона и Бирнбаума, подчеркнем еще раз, что, несмотря на очевидные расхождения в конечных выводах, исследования двух ученых сближаются в своеобразных методологико-дисциплинарных мутациях, обусловленных выборами главных предметов анализа.

9 Birnbaum P. Marcel Proust. P. 13.

10 Proust M. Correspondance. Paris: Plon, 1971. Т. 2. Р. 66.

Действительно, Компаньон сосредоточивается, с одной стороны, на исторической хронике семьи Вейль, которую он создает на основе разнообразных архивных источников, с другой — на анализе рецепции романа и личности писателя в кругах европейских интеллектуалов Франции 1915—1930 гг., для чего обращается к полузабытым эфемерным журналам того времени. В конечном счете литературовед приходит к довольно сложной формуле научного исследования, которая соотносится больше не с историей французской литературы или исторической поэтикой романа, а с исторической социологией французской культурной жизни XIX—XX вв.: работа увидела свет в книжной серии «Историческая библиотека» издательства «Галлимар». Сам Компаньон, незадолго до того опубликовавший книгу «Старьевщики Парижа» (2017), посвященную одному из заветных образов фигур литературного сознания XIX века, извлеченному из исторического небытия в набросках В. Беньямина к книге о Ш. Бодлере, сравнивает свой метод в новой работе с трудом «могильщика»: от могилы до могилы¹¹. Действительно, исследование начинается с архивов парижского кладбища Пер-Лашез и завершается там же, где вдоль по улице Покоя расположен участок для погребений евреев, куда мальчик Пруст ходил вместе с дедом возложить камешек на могилу предков. Таким образом, книга Компаньона предстает своего рода культурно-исторической реконструкцией родословной Пруста со стороны матери, которая дополняется археологическими раскопками в тех пластах литературной жизни Франции, которые были оставлены еврейскими литераторами 1915—1930-х гг., когда иллюзии франко-иудаизма стремительно рассеиваются, уступая место доктрине нового возвращения в Сион или тому, что сейчас называется «еврейским возрождением» начала века¹². В этом отношении несомненным достижением работы Компаньона является восстановление исторической перспективы, наглядно демонстрирующее, с каким вниманием, интересом и пониманием молодые французские сионисты — современники Пруста — воспринимали роман и саму личность писателя. Очевидно, что этот опыт исторической социологии французской литературы ставит под вопрос новейшие сверхполиткорректные интерпретации, авторы которых, сосредотачиваясь на известных сатирических портретах евреев, рассеянных по роману, доходят до того, чтобы представлять Пруста в виде «антиеврея»¹³. Работа Бирнбаума также дрейфует в сторону иной дисциплинарной модели, нежели та, что была характерна для предыдущих исследований историка еврейского удела. Несмотря на то что автор по-прежнему апеллирует к методу политической социологии, несмотря на то что в исследовании задействуются результаты многочисленных работ по истории и социологии еврейского мира во Франции XIX—XX вв., сосредоточенность на личной переписке автора «Поисков...» наделяет его работу чертами скорее традиционной политической биографии писателя. Впрочем, в 2016 г. Бирнбаум уже опубликовал книгу такого рода — «Леон Блюм. Портрет»¹⁴. Как раз исходя из этой параллели, точнее будет сказать — оппозиции, ученый и рисует политический портрет Пруста, который оказывается тем более выразительным и поразительным, что является и параллельным, и контрастным к портрету Блюма. Последний был на год младше

11 *Compagnon A. Proust du côté juif.* P. 9.

12 См. 6-ю главу упоминавшегося каталога «Марсель Пруст со стороны матери», которая называется «Модерн и еврейское возрождение», в ней выделены два раздела: «Пруст и русский балет: театр амбивалентностей» (М. Оклер) и «Критическая рецепция Пруста в сионистских журналах» (А. Компаньон): *Marcel Proust, du côté de la mère.* P. 191—219.

13 *Piperno A. Proust anti juif?* Paris: Liana Levi, 2007.

14 *Birnbaum P. Léon Blum, un portrait.* Paris: Seuil, 2016.

автора «Поисков...», также происходил из еврейской семьи, правда более ортодоксальной; в свою очередь пытался изучать философию, право, политические науки, но все время тянулся к литературе и светской жизни; в точности как визави, дрался на дуэли, отстаивая образ, честь и достоинство геройского денди. Оба приняли активное участие в «деле Дрейфуса», но если Блюм целенаправленно делал ставку на самоутверждение на поприще профессионального политика, то Пруст скорее играл на публику, уже пытаясь преобразовать мимолетный политический опыт в роман. Именно в этом пункте на самом рубеже веков сходства заканчиваются, поскольку политическая эволюция Блюма вылилась в то, что с течением времени он превратился в легенду французского социализма, увенчанную ореолом главы правительства Народного фронта (1936–1938) и стойкого политзаключенного во время оккупации Франции (1940–1944), тогда как идеологический зигзаг Пруста-дрейфусара, споткнувшегося на том камне преткновения, которым оказался для него уже упоминавшийся закон об отделении церкви от государства, обернулся переходом писателя на сторону антиреспубликанцев, католиков, консерваторов. Таким образом, если автору «Поисков...» и случалось задним числом именовать себя «самым пылким дрейфусаром», если в главном антисемитском издании Франции того времени газете «Свободное слово» он в 1895 г. действительно стал объектом нападок, попав по ошибке в «горстку евреев, недавно высадившихся в этой стране» и осмелившихся выступать с критикой певца «национальной энергии» М. Барреса, то уже в 1906 г. он не остановился перед тем, чтобы назвать Дрейфуса «идиотом и болтуном»¹⁵... Более того, в знаменитой статье «Смерть соборов» (1904), с воодушевлением воспринятой тем же Барресом, Пруст, азартно выступая против проекта закона об отделении церкви от государства, усматривал в католицизме саму сущность французского народа, а в действующих соборах — условие возможности интегральной жизни Франции: «Можно сказать, что благодаря сохранению в католической церкви одних и тех же ритуалов, а с другой стороны, католической веры в сердцах французов, соборы являются не только самыми прекрасными памятниками нашего искусства, но и единственными, что живут еще полной жизнью, остаются в связи с той целью, для которой они были созданы»¹⁶. Словом, Бирнбаум имел весьма веские основания предпринять поиски рассеянного по жизни и сочинениям Пруста сокровенного католицизма, тем более что сам образ католического собора является, как следует из многочисленных исследований, своего рода путеводной нитью по лабиринтам и катакомбам величайшей литературной эпопеи *Belle Époque*.

Наверное, не все положения книги «Марсель Пруст. Прощание с еврейским миром» являются бесспорными; профессиональные прустоведы не преминули отметить мелкие фактологические или интерпретационные неточности, встречающиеся в работе Бирнбаума, уличить историка в игнорировании иных классических литературоведческих трудов¹⁷; но не приходится сомневаться, что это исследование, созданное в пику доминирующему тенденциям современного французского академического прустоведения, более склонного нивелировать кричащие противоречия, составляющие саму инверсивную субстанцию автора и текста «Поисков...», окажется действенным стимулом к новым прочтениям личности и романа Пруста.

¹⁵ Birnbaum P. Marcel Proust. P. 49–50, 103–104, 110.

¹⁶ Proust M. La Mort des cathédrales // Proust M. Essais / Édition publiée par A. Compagnon, Ch. Pradeau et M. Vernet. Paris: Gallimard, 2022. P. 253.

¹⁷ Fraisse L. Proust et le monde juif: lien en discussion // Revue d'histoire littéraire de la France. 2023. № 3. P. 691–696.